

Спеши любить

Автор:

Николас Спаркс

Спеши любить

Николас Спаркс

Тихий городок Бофор.

Каждый год Лэндон Картер приезжает сюда, чтобы вспомнить историю своей первой любви...

Историю страсти и нежности, много лет назад связавшей его, парня из богатой семьи, и Джейми Салливан, скромную дочь местного пастора.

Историю радости и грусти, счастья и боли.

Историю чувства, которое человеку доводится испытать лишь раз в жизни – и запомнить навсегда...

Николас Спаркс

Спеши любить

Nicholas Sparks

A WALK TO REMEMBER

Печатается с разрешения издательства Grand Central Publishing, New York, New York и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Nicholas Sparks Interprises, 2002

© Перевод. В.С. Сергеева, 2008

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

* * *

Моим родителям, которых я люблю и помню, – Патрику Майклу Спарксу (1942–1996) и Джил Эмме Марии Спаркс (1942–1989), а также брату Мике и сестре Даниэле, от всей души.

От автора

Хочу поблагодарить свою жену Кэти. Я был в восторге, когда она приняла мое предложение; и еще более рад тому, что за десять лет мы не утратили своих чувств. Спасибо ей за лучшие годы моей жизни.

Я благодарен своим сыновьям Майлсу и Райану, которые занимают особое место в моем сердце и для которых я просто папа. Я люблю их обоих.

Спасибо Терезе Парк, моему агенту, другу и соратнику. Словами невозможно выразить то, сколь много она для меня сделала.

Джейми Рааб, редактор «Уорнер букс», на протяжении последних четырех лет также неизменно становится объектом моей признательности. Он лучше всех.

Спасибо всем тем, кто поддерживал меня на этом пути, – Лари Киршбауму, Морин Иген, Джону Эйхерну, Дэну Мэнделу, Ричарду Грину, Скотту Швимеру, Линн Гаррис, Марку Джонсону и Денизе Ди Нови. Я счастлив, что мне довелось работать с ними.

Пролог

В семнадцать лет моя жизнь изменилась навсегда.

Некоторые люди удивляются, услышав это. Они смотрят на меня, словно пытаюсь угадать, что именно могло случиться в далеком прошлом, но я редко снисхожу до объяснений. Я готов рассказывать не иначе, как на собственных условиях, – а это займет куда больше времени, чем обычно готовы уделить мне слушатели. Эту историю не уложишь в две-три фразы, ее невозможно превратить в нечто простое. Хотя прошло сорок лет, еще живы те, кто знал меня в молодости, – и они не станут расспрашивать. Моя история в некотором роде и их история тоже, потому что все мы – ее участники.

Мне пятьдесят семь, но даже сейчас я помню случившееся до мельчайших деталей. Часто воскрешаю в памяти то время, переживаю его заново и неизменно испытываю странную смесь печали и радости. Иногда мне хочется вернуться в прошлое и исправить ошибки, но я понимаю, что тогда уйдет и радость. Поэтому смиряюсь со своими воспоминаниями и принимаю все как есть. Мысли о былом уводят меня далеко-далеко. И это случается чаще, чем вы могли бы подумать.

Сегодня двенадцатое апреля. Идет последний год XX века; выходя из дому, я оглядываюсь. Небо пасмурное и серое, но повсюду цветут азалии и кизил. Не до конца застегиваю куртку. На улице холодно, но я знаю – всего через пару недель погода наладится, а облака разойдутся. Придет пора, когда Северная Каролина станет одним из самых прекрасных мест на свете.

Я закрываю глаза, и годы начинают обратный отсчет подобно стрелкам часов, которые крутятся в другую сторону. Словно со стороны наблюдаю за тем, как становлюсь моложе; волосы делаются из седых каштановыми, морщинки вокруг глаз разглаживаются, мускулы становятся крепче. Уроки, выученные с годами,

забываются, по мере приближения достопамятного года ко мне возвращается невинность.

Мир, как и я, начинает меняться: дороги сужаются, асфальт сменяется гравием, городские улицы – проселками. Прохожие заглядывают в витрины, проходя мимо булочной и мясной лавки. Мужчины в шляпах, женщины в платьях. На здании суда в конце улицы звонит колокол.

Я открываю глаза и понимаю, что стою перед дверью баптистской церкви. Меня зовут Лэндон Картер, и мне семнадцать лет.

Вот моя история, обещаю ничего не пропускать.

Сначала вы будете улыбаться, а потом плакать – и не говорите, что вас не предупреждали.

Глава 1

В 1958 году Бофор, что расположен в Северной Каролине неподалеку от Морхед-Сити, ничем не отличался от большинства маленьких городков. В этих местах влажность летом настолько высока, что, выйдя на минутку за почтой, покрываешься потом. Дети с апреля по октябрь бегают босиком среди дубов, поросших испанским мхом. Водители машут из окон машин, когда замечают прохожих – не важно, знакомых или нет, – а в воздухе пахнет хвоей, солью и морем. Уникальный аромат Каролины. Многие здешние жители занимаются рыбалкой в Памлико-Саунд и крабовым промыслом в Ньюз-Ривер, поэтому вдоль всего Берегового канала причалены лодки. Связь плохая, и телевизор едва работает, хотя для тех, кто вырос здесь, это не так уж важно. Центром нашей жизни всегда являлась церковь – а их только в пределах города стояло восемнадцать: Христианская братская церковь, Церковь прощенных, Церковь воскресного искупления и так далее. Во времена моего детства баптисты были самой многочисленной конфессией в здешних краях, их церкви возвышались буквально на каждом углу – и каждая считала себя лучше остальных. В городе имелись баптисты всех сортов – Свободной воли, южные, конгрегационалисты, миссионеры, независимые... короче говоря, вы меня поняли.

В те времена одна из баптистских церквей – так называемая Южная, – объединившись с местной средней школой, взялась оказывать поддержку одному важному мероприятию. Каждый год в Бофорском драматическом театре организовывали «рождественское представление», то есть ставили пьесу, написанную Хегбертом Салливаном, местным священником, который служил здесь, наверное, со времен Моисея. Это, конечно, преувеличение, но от старости Хегберт сделался каким-то прозрачным. Кожа у него была очень тонкая – честное слово, было видно, как кровь бежит по венам, – а волосы белые, точь-в-точь шерстка у пасхального кролика.

Так или иначе, он написал пьесу под названием «Рождественский ангел», потому что ему надоело из года в год ставить классическую «Рождественскую песнь» Диккенса. В представлении Хегберта Скрудж был язычником, который раскаялся лишь потому, что увидел призраков, не ангелов, – а где сказано, что они снизошли с небес? И кто поручится, что Скрудж вновь не впадет в грех? В пьесе об этом ничего не говорится, зрители вроде как принимают все на веру, но Хегберт не доверял призракам, если не мог удостовериться, что их послал Бог. В том-то и была проблема. Несколько лет назад он изменил концовку пьесы Диккенса, точнее, дописал; в его версии старик Скрудж стал проповедником и отправился в Иерусалим искать место, где Иисус некогда учил апостолов. Вышло не слишком убедительно; даже прихожане восприняли новшество с явным удивлением, а в газете написали: «Хотя трактовка, конечно, интересная, но все-таки это не та пьеса, которую мы все знаем и любим...»

Поэтому Хегберт решил сочинить собственную пьесу. Вся жизнь он писал проповеди; некоторые из них, должен признать, действительно были небезынтересны, особенно когда речь заходила о «Божьем воздаянии за блуд». Честное слово, священник просто из кожи вон лез, когда заговаривал о прелюбодеянии, это был его конек. В детстве мы с друзьями прятались за деревьями, когда видели старика на улице, орали ему вслед «Хегберт – прелюбодей!», хихикали как идиоты и, конечно, считали себя самыми умными существами из всех, что когда-либо населяли нашу планету.

Старина Хегберт замирал как вкопанный и наострял уши – клянусь, они действительно шевелились! Он густо краснел, будто хлебнул бензина; на шее надувались огромные зеленые жилы, похожие на карту реки Амазонки в Национальном географическом атласе. Прищурившись, он оглядывался в поисках хулиганов, а потом столь же внезапно вновь начинал бледнеть, пока кожа не обретала прежний безжизненный оттенок. Клянусь, на это стоило

посмотреть.

Повторяю, мы прятались за деревом, а Хегберт (надо же было родителям дать ему такое имя!) стоял и ждал, пока мы не выдадим себя, – видимо, он считал нас круглыми дураками. Мы зажимали рты руками, чтобы заглушить смех, но в конце концов Хегберт неизменно нас вычислял. Он поворачивался, пока не оказывался лицом к нашему укрытию, и взгляд его блестящих глаз устремлялся прямо на меня.

– Я знаю, что это ты, Лэндон Картер, – говорил он. – И Бог тоже знает.

Подождав минуту для пущего эффекта, Хегберт шагнул прочь, а во время воскресной проповеди указывал на нас и провозглашал что-нибудь вроде: «Бог милостив к детям, но и дети не должны Его разочаровывать». Мы сползли под скамью не от стыда, а чтобы скрыть новый приступ смеха. Странно, но Хегберт совершенно нас не понимал – а ведь у него у самого был ребенок. Дочь. Хотя об этом позже.

Так или иначе, как я уже сказал, однажды Хегберт написал «Рождественского ангела» и решил его поставить. Сама по себе пьеса была вовсе не плоха, что изрядно удивило зрителей на премьере. История мужчины, который несколько лет назад овдовел. Главный герой, Том Торнтон, некогда был очень религиозен, но пережил кризис веры, когда его жена умерла родами. Он растит дочку один, хотя отец из него не бог весть какой. На Рождество девочка хочет музыкальную шкатулку с ангелом на крышке – такую она видела в старом журнале. Торнтон ищет изо всех сил, но безуспешно. Так вот, наступает сочельник, а он по-прежнему бродит по магазинам и вдруг встречается странную женщину, которую прежде никогда не видел. Та обещает его выручить, но сначала они помогают бродяге (в те годы, помнится, их называли просто бездельниками), затем навещают сирот в приюте, потом заходят в гости к одинокой старушке, которой хочется с кем-нибудь поболтать в канун Рождества. Наконец загадочная дама спрашивает у Тома, о чем он мечтает; тот, разумеется, хочет, чтобы жена была с ним. Дама подводит его к городскому фонтану и приказывает посмотреть в воду; Том видит лицо своей дочери и начинает рыдать. Пока он плачет, таинственная дама исчезает; Том ищет, но нигде не может ее найти. Наконец он возвращается домой, вспоминая все случившееся в этот вечер. Он заходит в спальню к девочке, осознает, что она единственное, что связывает его с покойной женой, и снова начинает плакать, потому что до сих пор был не самым лучшим отцом. На следующее утро под елкой чудесным образом оказывается

музыкальная шкатулка, и ангел на крышке как две капли воды похож на загадочную незнакомку.

Честное слово, это было не так уж плохо. Люди плакали, когда смотрели. Каждый год билеты распродавали до единого. Пьеса сделалась такой популярной, что Хегберту пришлось ставить ее уже не в церкви, а в Бофорском драматическом театре, который располагал большим зрительным залом. К тому времени, когда я стал старшеклассником, «Рождественский ангел» неизменно шел при аншлаге – учитывая состав труппы, это уже само по себе было достойно удивления.

Видите ли, Хегберт хотел, чтобы в пьесе участвовали не профессиональные актеры, а обычные школьники. Наверное, он думал, что подросткам надо дать хороший урок жизни, прежде чем они уедут в колледж и окажутся перед лицом соблазнов. Уж такой он был человек – пытался уберечь нас от искушения. Он твердил, что Бог наблюдает за тобой, даже когда ты далеко от дома. Если положиться на Него, все будет в порядке. В свое время я действительно это понял, хотя и не благодаря наставлениям Хегберта.

Как я уже сказал, Бофор был типичным южным городишком, пусть и с любопытной историей. Пират Черная Борода некогда купил здесь дом, а его корабль «Мечь королевы Анны», по слухам, затонул неподалеку от берега. Недавно не то археологи, не то океанологи, не то еще какие-то любители старины заявили, будто нашли его, но никто до сих пор толком не уверен – сами понимаете, на корабле, затонувшем двести пятьдесят лет назад, не было бардачка с водительскими правами. С 1950-х годов Бофор хоть и сильно изменился, но все-таки не стал крупным мегаполисом. Он навсегда останется небольшим, но в годы моего детства он с трудом удостоился быть отмеченным на карте. Избирательный округ, куда входил Бофор, занимал восточную оконечность штата, что-то около двадцати тысяч квадратных миль; там не было ни одного городка с населением более двадцати пяти тысяч человек. Даже по сравнению с ними Бофор казался крошечным. И этот округ до самой виргинской границы представлял мой отец.

Полагаю, вы слышали о нем. Даже теперь он остается чем-то вроде легенды. Его звали Уорт Картер, и он был конгрессменом более тридцати лет. Каждый год во время избирательной кампании он выбрасывал лозунг «Уорт Картер представляет...». Люди вписывали название того города, где жили. Я помню, как

мы с мамой ходили на предвыборные мероприятия, дабы продемонстрировать избирателям, что Картер – настоящий семьянин. Мы видели эти надписи; попадались названия вроде Отуэй или Сэвэн-Спрингз. Теперь, конечно, такое не сработает, но в те годы это считалось прекрасным рекламным ходом. Если бы отец попытался сделать сейчас нечто в том же духе, его противники непременно вписали бы какую-нибудь непристойность, но прежде ничего подобного не случалось. Ну, разве что за одним исключением. Какой-то фермер из Даплина подписал под отцовской фамилией «дерьмо»; когда мама увидела, она заставила меня отвернуться и обратилась к Богу с просьбой простить несчастного придурка. Разумеется, вслух она ничего не сказала, но суть я уловил.

Таким образом, мой отец – господин конгрессмен – был большой шишкой, и все, включая старину Хегберта, его знали. Эти двое не ладили, пусть даже отец ходил в церковь всякий раз, когда был в городе – а такое, надо сказать, случалось редко. Хегберт, помимо твердой уверенности в том, что прелюбодеи будут чистить нужники в аду, считал коммунизм болезнью, которая «делает людей отпетыми язычниками». До тех пор я полагал, что можно быть разве что отпетым хулиганом, но паства тем не менее понимала, что он имеет в виду. Прихожане знали, что эти слова адресованы непосредственно моему отцу, который сидел с закрытыми глазами и делал вид, будто не слушает. Он был членом одного из комитетов, в чьи функции входило контролировать «красную заразу», которая якобы постепенно проникала во все сферы общественной жизни, включая национальную оборону, высшее образование и даже выращивание табака. Учтите, это происходило во времена «холодной войны»; атмосфера изрядно накалилась, и жители Северной Каролины высоко ценили людей, способных внятно разъяснить им происходящее. А мой отец упорно искал факты, абсолютно бессмысленные для таких, как Хегберт.

Возвращаясь домой после церковной службы, он обычно говорил: «Преподобный Салливан сегодня в прекрасной форме. Надеюсь, ты слышал ту часть его проповеди, которая касалась бедных...»

Да, папа, конечно...

Отец старался разряжать ситуацию по мере возможности. Подозреваю, именно поэтому он продержался в конгрессе так долго. Этот человек мог посмотреть на самого безобразного в мире ребенка и сказать что-нибудь приятное. «Какой изящный малыш», – говорил он, когда ему показывали младенца-гидроцефала, а

если у малышки оказывалось родимое пятно в пол-лица, он восклицал: «Держу пари, это самая прелестная девочка на свете!» Однажды к нему подвезли мальчика в инвалидном кресле. Отец взглянул на него и произнес: «Готов поклясться, ты самый умный парень в классе». И он не ошибся! Да, подобные трюки ему отлично удавались, он неизменно выходил сухим из воды. Честное слово, мой отец не был уж таким плохим человеком – в конце концов, он меня не бил, и все такое.

Просто его не было рядом, когда я рос. Мне неприятно так говорить, потому что в наши дни люди повадились оправдывать этим свое дурное поведение. «Мой отец меня не любил, и поэтому я стал стриптизером». Я же не оправдываюсь, а просто констатирую факт. Мой отец отсутствовал девять месяцев в году – он жил в Вашингтоне, в трех тысячах миль от Бофора. Мать отказывалась переезжать, поскольку оба хотели вырастить меня «на родной почве».

Разумеется, дедушка брал моего отца на охоту и на рыбалку, учил его играть в футбол, устраивал вечеринки в честь дня рождения и так далее – все эти мелочи немало значат. Отец, наоборот, был для меня чужаком – человеком, которого я почти не знал. В первые пять лет своей жизни мне казалось, что у всех детей отцы живут где-то в другом месте. Я считал так до тех пор, пока мой лучший друг Эрик Хантер не спросил, кто этот тип, который приехал к нам накануне.

– Мой папа, – гордо ответил я.

– Ого, – сказал Эрик, роясь в моей коробке для завтрака в поисках «Милки вэй». – Не знал, что у тебя есть папа.

Это было все равно что получить пощечину.

Итак, меня воспитывала мама. Славная женщина, добрая и милая, – о такой матери мечтает большинство людей. Но она не была и не могла быть образцом для подражания; этот факт плюс разочарование в отце сделали меня изрядным бунтарем в самом нежном возрасте. Впрочем, не то чтобы совсем пропащим. Мы с приятелями тайком удирали из дому по вечерам, пачкали чужие машины и лущили арахис на церковном дворе – но в пятидесятые годы все это были вещи, которые заставляли взрослых качать головами и шептать собственным детям: «Ты ведь не хочешь стать таким, как Картер? Ему прямая дорожка в тюрьму!»

Я. Плохой парень. Который ест арахис на церковном дворе. Вообразите себе.

Короче говоря, мой отец с Хегбертом не ладили, и не только из-за политики. Судя по всему, они знали друг друга давным-давно. Хегберт был лет на двадцать старше отца, до того, как стать священником, он служил у моего деда. Дедушка, хоть он и играл с отцом в футбол, был тем еще мерзавцем. К слову сказать, именно он сколотил семейное состояние, но только не воображайте, что он всю жизнь вкалывал как раб, кропотливо трудился и наблюдал за медленным ростом своего предприятия. Дедушка оказался куда проницательнее. Деньги он заработал простым способом – начал как бутлегер-контрабандист и скопил изрядную сумму во времена «сухого закона», провозя ром с Кубы. Затем он принялся скупать землю и нанимать работников. Он забирал девяносто процентов того, что арендаторы зарабатывали на табаке, а затем при необходимости ссужал им деньги под бессовестный процент. Разумеется, дедушка не настаивал на обязательном возврате – он просто прибирал к рукам землю или инструменты, которыми тем посчастливилось обзавестись. Потом, что называется, в приливе вдохновения, он учредил банк. Его единственный конкурент на много миль вокруг внезапно сгорел дотла и так и не сумел оправиться после пожара. Вскоре началась Великая депрессия. Хотя все знали, что случилось на самом деле, но молчали, опасаясь мести, и на то имелись основания. Банк был не единственным строением, где внезапно вспыхнул пожар.

Дедушка драл со своих должников невероятные проценты и понемногу начал прибирать к рукам все больше земли и собственности по мере того, как должники один за другим оказывались несостоятельными. На пике Великой депрессии он перекупил с десятков предприятий по всему округу, сделав первоначальных владельцев своими подчиненными и выплачивая им жалованье, мизерное, но достаточное для того, чтобы удержать их при себе, поскольку податься беднякам было некуда. Дедушка клялся, что позволит все выкупить обратно, как только экономика стабилизируется. И люди неизменно ему верили.

Впрочем, обещаний он не держал. В итоге дедушка контролировал немалый сектор местной экономики и третировал нижестоящих всеми мыслимыми способами.

Хотелось бы мне поведать вам, что в итоге он умер страшной смертью, но увы. Дедушка скончался в преклонных годах, когда спал с любовницей на яхте близ Каймановых островов. Он пережил двух жен и единственного сына. Неплохой конец для такого типа, как мой дед. Жизнь несправедлива. Если люди и должны

что-нибудь усвоить в школе, то именно это.

Итак, вернемся к нашей истории. Как только Хегберт понял, что за негодяй мой дед, он перестал на него работать и сделался священником, а затем вернулся в Бофор и начал служить в той самой церкви, которую мы все посещали. Первые несколько лет он только тем и занимался, что призывал кары небесные на головы корыстолюбцев, поэтому свободного времени у него оставалось немного. Хегберту стукнуло сорок три, когда он женился; в пятьдесят пять родилась дочь, Джейми Салливан. Его супруга, маленькая, худенькая женщина на двадцать лет моложе мужа, до появления Джейми пережила шесть выкидышей. Она умерла от родов, оставив Хегберта вдовцом с дочерью на руках.

Вот, собственно, на чем была основана пьеса.

Люди прекрасно знали историю священника. Ее вспоминали каждый раз, когда Хегберт крестил младенца или отпевал покойника. Именно поэтому, полагаю, все зрители рыдали на представлении рождественской пьесы. Они знали, что в основе лежит нечто реальное, и это придавало «Рождественскому ангелу» особое звучание.

Джейми Салливан училась в одном классе со мной, и ей предстояло играть ангела. Не то чтобы у какой-нибудь другой девушки был шанс. Благодаря этому, разумеется, пьесе предстояло сделаться главным событием года – по крайней мере в представлении мисс Гарбер. Она преподавала у нас сценическое мастерство и буквально сияла от счастья, когда впервые вошла в класс.

Лично я не собирался изучать драматургию – честное слово, не собирался, но выбирать пришлось между ней и органической химией. Я думал, это будут не уроки, а сплошной праздник жизни, особенно по сравнению со вторым вариантом. Ни тетрадок, ни контрольных, ни лабораторных столов; никаких протонов, нейтронов и формул – что может быть лучше для старшеклассника? Я был абсолютно в этом уверен и записался к мисс Гарбер, ничуть не сомневаясь, что на уроках буду дремать. Я любил поздние прогулки и изрядно не высыпался.

В первый же день я опоздал, войдя в класс через несколько секунд после звонка, и сел в заднем ряду. Мисс Гарбер стояла спиной к нам и выводила свою фамилию на доске большими буквами, как будто мы виделись впервые. Ее знали

все – не знать было просто невозможно. Она была по меньшей мере шести футов росту, с огненно-рыжими волосами и бледной веснушчатой кожей; еще мисс Гарбер страдала от ожирения – сказать по чести, она весила килограммов сто. Она предпочитала просторные цветастые платья, носила темные очки с толстыми стеклами в роговой оправе и при встрече всем говорила «Приве-е-ет», растягивая последний слог. Мисс Гарбер, несомненно, знала себе цену и до сих пор не вышла замуж, что усугубляло ситуацию. Любой мужчина, не важно, какого возраста, неизбежно испытывал к ней глубокое сочувствие.

Под своей фамилией она написала перечень целей, которые нам предстояло достичь в течение года. Номером первым значилось «самовнушение», далее «самоанализ» и, наконец, «самореализация». Мисс Гарбер была слегка помешана на всевозможных «само» и, возможно, даже опередила свое время в вопросах психотерапии, хотя, судя по всему, отнюдь не считала себя новатором. Наверное, мисс Гарбер с ее внешностью просто пыталась не падать духом.

Но я опять-таки отклоняюсь от темы.

Лишь когда начался урок, я заметил нечто странное. Мальчиков и девочек в бофорской старшей школе было примерно поровну; поэтому я страшно удивился, когда обнаружил, что девяносто процентов моих нынешних однокашников – девочки. В классе сидел всего один парень, кроме меня; я счел это хорошим предзнаменованием и даже ощутил что-то вроде эйфории. Девчонки, девчонки, девчонки – и никаких контрольных. Вот все, о чем я мог думать.

Признаюсь, что никогда не отличался проницательностью.

Мисс Гарбер сообщила: в этом году рождественского ангела будет играть Джейми Салливан – и немедленно начала аплодировать. Она тоже ходила в Южную церковь и, по мнению многих прихожан, строила глазки Хегберту. Когда я услышал об этом в первый раз, то подумал: даже если эти двое и сойдутся, слава Богу, оба слишком стары, чтобы иметь детей. Только вообразите, какое получилось бы потомство. Подобная мысль наводила на всех ужас, но, разумеется, люди держали язык за зубами – по крайней мере в пределах слышимости преподобного Хегберта и мисс Гарбер. Просто сплетня – это одно, а грязная сплетня – совсем другое. Даже в старшей школе мы не были настолько злыми.

Мисс Гарбер продолжала аплодировать в полном одиночестве, пока мы наконец к ней не присоединились.

– Встань, Джейми, – сказала она.

Та встала и повернулась к нам; мисс Гарбер начала хлопать еще громче, как будто перед ней стояла настоящая кинозвезда.

Джейми Салливан была хорошей девушкой. Честное слово. Мы всю жизнь проучились вместе, поэтому не могу сказать, что я ни разу не перекинулся с ней и парой слов. Когда-то, во втором классе, она целый год сидела за соседней партой, и мы даже иногда болтали, но отнюдь не проводили свободное время в одной компании – скорее наоборот. В школе я общался с одними, а после уроков – совсем с другими, так что Джейми вообще не стояла на повестке дня.

Не то чтобы Джейми была непривлекательна или откровенно некрасива – поймите меня правильно. К счастью, она походила на мать – та, судя по фотографиям, вовсе не была дурнушкой (хоть и вышла в итоге бог весть за кого). Но с другой стороны, красивой я ее тоже не считал. Худая, светловолосая и голубоглазая, Джейми по большей части казалась такой... простушкой, что никто не обращал на нее внимания. Она не заботилась о своей внешности, потому что предпочитала «внутреннюю красоту», и выглядела соответственно. Сколько я ее знал – учтите, не так уж мало, – Джейми всегда собирала волосы в тугий пучок, как старая дева, и не пользовалась косметикой. В своем коричневом кардигане и клетчатой юбке она смахивала на библиотечаршу. Мы думали, что это просто очередная фаза и Джейми рано или поздно повзрослеет, но ничего подобного не произошло. За три года в старшей школе она ничуть не изменилась. Менялся только размер одежды.

Не только внешность отличала Джейми от других; она и вела себя иначе. Не околачивалась в закусочной «У Сесиль», не ходила на вечеринки к подружкам. Я знал наверняка, что у нее никогда не было парня. Иначе старину Хегберта хватил бы удар. Но даже если бы он вдруг сошел с ума и позволил дочери ходить на свидания, она все равно не стала бы этого делать. Джейми всегда носила с собой Библию; если одного Хегберта было недостаточно, чтобы держать мальчишек на расстоянии, то Священное Писание оказалось мощным оружием. Лично я относился к Библии как всякий нормальный подросток, но Джейми, судя по всему, извлекала из нее удовольствие, совершенно мне непонятное. Она не только ездила каждый август в христианский лагерь, но и

читала Библию на переменах в школе. В моем представлении это было слишком даже для дочери священника. Как угодно, но штудировать послания апостола Павла куда менее увлекательно, нежели флиртовать.

Однако Джейми и не думала останавливаться. То ли из-за Библии, то ли из-за отцовского влияния она искренне полагала, что нужно помогать ближнему, и именно этому посвятила свою жизнь. Добровольной работы в сиротском приюте ей было мало. Она вечно то собирала пожертвования, то продавала печенье, а однажды потратила часть летних каникул на то, чтобы выкрасить снаружи дом пожилой соседки. Джейми могла повыдергать сорняки в чужом саду, не дожидаясь просьбы, и остановить поток машин, чтобы перевести малышей через дорогу. На свои карманные деньги она покупала приютским детям игрушки или просто опускала сбережения в церковную корзинку для пожертвований. Иными словами, это была девочка, рядом с которой все мы казались плохими; когда Джейми смотрела на меня, я неизбежно ощущал муки совести, даже если не сделал ничего дурного.

В своем стремлении творить благо Джейми не ограничивалась исключительно людьми. Если она случайно находила раненое животное, то пыталась помочь и ему. Опоссумы, белки, собаки, кошки, лягушки – никакой разницы. Доктор Роулингз, наш ветеринар, узнавал ее издали и лишь качал головой, когда Джейми поднималась на крыльцо, неся в коробке очередного страдальца. Он снимал очки и протирал их платком, пока она объясняла, что случилось с этим несчастным созданием. «Доктор Роулингз, его сбила машина. Наверное, на то была воля Божья, чтобы я проходила мимо. Вы ведь ему поможете?»

В представлении Джейми, на все была воля Божья. Она не забывала упомянуть ее, о чем бы ни заходил разговор. Бейсбольный матч отложили из-за дождя? На то была воля Божья, иначе случилось бы нечто худшее. Внезапная контрольная по тригонометрии, за которую весь класс схватил двойки? На то была воля Божья, Он решил послать нам испытание. Короче говоря, вы меня поняли.

Ну и, разумеется, заскоки Хегберта отнюдь не облегчали бедняжке жизнь. Быть дочерью священника непросто, но Джейми держалась так, как будто это самая естественная вещь на свете и вообще ей исключительно повезло. «Я просто счастлива, что у меня такой отец». В ответ мы только качали головами и гадали, с какой планеты эта девочка.

Вдобавок ко всему прочему одна черта в Джейми по-настоящему сводила меня с ума – она всегда была чертовски жизнерадостна вне зависимости от того, что творилось вокруг. Она никому не говорила гадостей, даже тем из нас, кто был с ней нелюбезен. Шагая по улице, Джейми напевала и махала рукой прохожим. Когда она продавала лимонад или печенье, от покупателей не было отбоя. Все взрослые в нашем городе обожали ее. «Какая милая девочка, – говорили они, когда речь заходила о Джейми. – Мир стал бы намного лучше, если бы таких, как она, было больше».

Впрочем, мы, подростки, считали иначе. Нам за глаза хватало и одной Джейми Салливан.

Я думал об этом, когда Джейми стояла перед нами в классе; признаюсь, мне было не очень-то интересно ее разглядывать. Но странно, когда Джейми обернулась к нам лицом, я испытал нечто вроде шока, как если бы вдруг схватился за оголенный провод. Все те же клетчатая юбка, белая блузка и коричневый кардиган, которые я видел миллион раз, но на груди обрисовались два заметных бугорка. Клянусь, еще три месяца назад ничего подобного не было. Джейми по-прежнему не пользовалась макияжем, но она загорела, возможно, во время пребывания в летнем лагере, и впервые казалась... почти хорошенькой. Конечно, я тут же отогнал эту мысль, но Джейми, обводя глазами одноклассников, остановила взгляд на мне и улыбнулась, явно радуясь моему присутствию. Истинную причину я узнал далеко не сразу.

Глава 2

После школы я собирался в Университет Северной Каролины, в Чейпл-Хилл. Отец хотел, чтобы я поступил в Гарвард или Принстон, как сыновья других конгрессменов, но с моими оценками это было невозможно. Не то чтобы я учился плохо – просто не уделял учебе особого внимания и получал недостаточно высокие баллы для того, чтобы претендовать на поступление в один из университетов «Лиги плюща»[1 - «Лига плюща» – объединение восьми старейших и наиболее привилегированных учебных заведений на северо-востоке США. – Здесь и далее примеч. пер.]. В выпускном классе я все еще не знал наверняка, примут ли меня в Университет Северной Каролины, но там некогда учился мой отец, и он мог использовать кое-какие связи. Вернувшись домой на

выходные, за ужином он изложил мне свой план. Занятия в школе начались всего неделю назад, папа приехал погостить в честь Дня труда.

– Полагаю, тебе следует выдвинуть свою кандидатуру на выборах школьного президента, – заявил он. – Это будет неплохо смотреться в твоём личном деле, когда ты окончишь школу. Кстати, твоя мать со мной согласна.

Мама с полным ртом гороха кивнула. Когда говорил отец, она по большей части молчала и подмигивала мне. Кажется, ей было приятно наблюдать за моими мучениями.

– По-моему, у меня нет шансов, – ответил я. Несомненно, я был самым богатым парнем в школе, но, увы, не самым популярным. Эта честь принадлежала Эрику Хантеру, моему лучшему другу. Бейсбольный мяч, пущенный его рукой, развивал скорость до девяноста миль в час; наша футбольная команда, в которой он играл защитником, была одной из лучших в штате. Короче говоря, классный парень. Даже имя подходящее.

– Не сомневаюсь, что есть, – немедленно возразил отец. – Мы, Картеры, всегда побеждаем.

Вот еще одна причина, по которой я не любил проводить время с отцом. Во время своих недолгих визитов он пытался сделать из меня миниатюрную версию себя любимого. Я рос в общем-то без него, но не особенно тосковал. Это был наш первый разговор за несколько недель. По телефону он редко со мной общался.

– А если я сам не хочу?

Отец положил вилку с куском свиной отбивной и окинул меня сердитым взглядом. Он ходил в строгом костюме, невзирая на нестерпимую жару, и оттого казался еще более грозным. К слову сказать, отец всегда ходил в костюме.

– А мне кажется, – с нажимом произнес он, – что это неплохая идея.

Я знал: если отец заговорил подобным тоном, вопрос решен. Таков был порядок в моей семье. Его слово – закон. На самом же деле я хоть и согласился, но без особого желания. Мне не хотелось тратить время, встречаясь после уроков с

учителями (повторяю, после уроков!) – и так каждую неделю, до конца года, – чтобы придумать тему для школьной вечеринки или решить, какого цвета должны быть транспаранты. Именно этим и занимались президенты – по крайней мере в те времена, когда я учился. Школьники не имели права голоса ни в чем по-настоящему значительном.

Но опять-таки я понимал, что отец прав. Мне нужно было приложить усилия, чтобы поступить в колледж. Я не играл ни в футбол, ни в баскетбол, ни в шахматы, ни в боулинг, не занимался музыкой, не блистал умом – да, черт возьми, практически ничем не блистал. В отчаянии я принялся вспоминать свои коронные трюки, но, честно говоря, насчитал не так уж много. Я умел вязать восемь морских узлов; мог дальше всех пройти босиком по горячему асфальту; балансировал карандашом на кончике пальца в течение тридцати секунд... Вряд ли этого было достаточно, чтобы обеспечить себе поступление в колледж. Я пролежал всю ночь без сна, медленно проникаясь осознанием собственного ничтожества. Спасибо, папа.

На следующее утро я зашел в кабинет директора и вписал свое имя в список кандидатов. Кроме меня, в предвыборной гонке участвовали двое – Джон Форман и Мэгги Браун. У Джона шансов не было, я точно знал. За разговором этот тип обрывал собеседнику пуговицы. Зато он хорошо учился. Он сидел в первом ряду и поднимал руку каждый раз, когда учитель задавал вопрос. Если его вызывали, Джон почти всегда отвечал правильно и смотрел по сторонам с самодовольной улыбкой, как бы демонстрируя свое интеллектуальное превосходство. Мы с Эриком обстреливали Формана жеваной бумагой, когда учитель не смотрел.

Мэгги Браун – другое дело. Она тоже хорошо училась, три года пробыла членом школьного совета и год – президентом класса. Единственный минус – она была некрасива и вдобавок за лето поправилась на двадцать фунтов. Я знал, что ни один парень за нее не проголосует.

Оценив ситуацию, я решил, что шанс у меня все-таки есть. На кону стояло будущее, поэтому был выработан план. Эрик немедленно согласился помочь.

– Конечно, вся команда за тебя проголосует, никаких проблем. Если тебе это действительно нужно.

– А как насчет девчонок? – поинтересовался я.

В этом преимущественно и заключалась моя предвыборная кампания. Разумеется, я как ни в чем не бывало участвовал в дебатах и отвечал на разные дурацкие вопросы вроде «Что ты будешь делать, если тебя выберут президентом?», но в конечном итоге именно Эрик Хантер добыл мне победу. В бофорской старшей школе училось не так уж много человек, поэтому заручиться поддержкой спортсменов означало выиграть. Большинству этих парней было абсолютно все равно, за кого голосовать. Вышло так, как я и планировал.

Меня избрали большинством голосов. Я понятия не имел, какие неприятности это сулит.

* * *

За год до того я начал встречаться с девушкой по имени Анжела Кларк. Это была моя первая официальная подружка, пусть даже наш роман продлился лишь пару месяцев. Незадолго до летних каникул она бросила меня ради некоего Лью – двадцатилетнего механика, работавшего в отцовском гараже. Подозреваю, главным его достоинством было наличие хорошей машины; Лью частенько стоял, облокотившись на капот, глазел по сторонам и говорил проходящим мимо девчонкам: «Эй, детка!» Еще он всегда носил белую футболку с пачкой «Кэмэл» в рукаве. Прирожденный лидер.

Так или иначе, приближался школьный бал, из-за Анжелы мне оказалось не с кем на него пойти. Все члены школьного совета присутствовали на балу в обязательном порядке – они помогали украшать (а наутро убирать) спортзал. И потом, обычно это действительно была неплохая вечеринка. Я обзвонил нескольких знакомых девчонок, но их уже пригласили. Обратился к другим, но и здесь опоздал. За неделю до бала выбора почти не осталось. Только шепелявые или очкастые. Бофор отнюдь не кишел красавицами, но я просто обязан был кого-нибудь найти. Не мог прийти на бал один – на что это похоже? Школьный президент, появившийся на танцах в одиночестве. В итоге пришлось бы весь вечер разливать пунш или подтирать блевотину в уборных. Вот чем обычно занимаются те, кто пришел без пары.

Я запаниковал, вытащил старый ежегодник и начал листать его в поисках девушки, которая случайно могла оказаться свободной. Сначала просмотрел фотографии прошлогодних выпускниц. По большей части они разъехались, но несколько человек еще оставались в городе. Сомневаюсь, что у меня изначально имелись хоть какие-то шансы, но я обзвонил девушек – и, разумеется, сплошные отказы. Никто, буквально никто не мог со мной пойти. Я уже и не переживал, хотя, конечно, хвалиться тут нечем. Мама знала, в чем проблема; в конце концов она поднялась ко мне и села рядом на кровать.

– В крайнем случае я могу пойти с тобой, – сказала она.

– Спасибо, ма, – уныло отозвался я.

После ее ухода стало еще хуже. Даже она усомнилась, что я смогу пригласить девушку. Прийти на танцы с матерью?! Да мне этого сто лет не забудут.

Кстати, я был не одинок. Школьному казначею Кэрри Деннисону тоже не нашлось пары. С Кэрри никто не хотел знаться; его выбрали только потому, что других претендентов не оказалось. И то, кажется, голоса разделились поровну. Он играл на трубе в школьном оркестре. У Кэрри было до странности непропорциональное тело, как будто в какой-то момент он перестал расти, – большой живот и тонкие ноги, как у персонажа мультика. Он говорил тоненьким голоском и не переставая задавал вопросы. «Где ты был на выходных? Хорошо провел время? Встречался с девчонками?» Ответов Кэрри не дожидался и вдобавок все время суетился, поэтому приходилось вертеть головой, чтобы не выпускать его из виду. Честное слово, это был самый неприятный тип из всех, кого я знал. Если я не найду себе девушку, придется целый вечер стоять рядом с ним под градом дурацких вопросов.

Я листал ежегодник, пока не наткнулся на фотографию Джейми Салливан, помедлил секунду и перевернул страницу, выругав себя за столь нелепую мысль. В течение следующего часа я рассматривал фотографии девушек, которые были хотя бы чуть-чуть привлекательны, а затем понял, что вариантов нет. Тогда я вновь вернулся к Джейми и посмотрел повнимательнее. Я сказал себе, что она довольно мила и очень любезна. Скорее всего согласится...

Я захлопнул ежегодник. Джейми Салливан? Дочка Хегберта? Исключено. Меня поднимут на смех.

Другие варианты: идти на бал с матерью, драить туалеты или, прости Господи, общаться с Кэрри Деннисоном.

Я провел остаток вечера, взвешивая все «за» и «против». Долго колебался, но в итоге выбор стал очевиден. Придется пригласить Джейми на танцы. Я принялся расхаживать по комнате, изобретая наилучший способ.

И тут меня посетила ужасная мысль. Я вдруг сообразил, что Кэрри Деннисон, возможно, сейчас занят тем же самым – листает ежегодник. Конечно, он странный тип, но ему тоже не хочется мыть сортиры, а если бы вы видели его мать, то поняли бы, как мне по сравнению с ним повезло. А если он пригласит Джейми первым? Она не откажет – и, глядя правде в глаза, это его единственный вариант. Никто, кроме нее, под страхом смерти не появится в обществе Кэрри. Джейми всем помогает; этакое, можно сказать, олицетворение равных возможностей. Она прислушается к писклявому голосу Кэрри, поймет, что душа у него добрая, и бросится на амбразуру.

Я сидел в своей комнате и сходил с ума при мысли о том, что Джейми, возможно, откажется пойти со мной на танцы. Я почти не спал в ту ночь впервые в жизни. Полагаю, до сих пор ни одна живая душа вообще не задумывалась о том, чтобы пригласить Джейми на свидание. Я собирался поговорить с ней утром, пока хватает духу, но Джейми не явилась в школу. Я сообразил, что она, как обычно, работает в приюте. Мы тоже порой пытались улизнуть с уроков под этим предлогом, но директор верил только Джейми. Он знал, что она действительно будет читать детям или мастерить с ними поделки, а не смоеется на пляж или в кафе. Такое и предположить было невозможно.

– Ты уже пригласил кого-нибудь? – спросил меня Эрик на перемене. Он прекрасно знал, что нет. Хотя он и был моим лучшим другом, но иногда все же не упускал случая подколоть.

– Пока нет, – ответил я, – но скоро приглашу.

В коридоре Кэрри Деннисон копался в своем шкафчике. Готов поклясться, он взглянул на меня с торжеством.

Вот что это был за день.

Последний урок тянулся бесконечно. Я сообразил: если мы с Кэрри выйдем из школы одновременно, он со своими паучьими ножками ни за что не доберется до дома Джейми первым. Я воодушевился и, как только прозвенел звонок, рванул изо всех сил. Пробежал метров сто, и у меня закололо в боку. Пришлось сбавить темп, а потом стало по-настоящему больно, так что я заковылял, согнувшись, как Квазимодо.

Мне показалось, что за спиной раздается визгливый смех Кэрри. Я обернулся, одновременно пытаюсь умирить боль импровизированным массажем, но никого не увидел. Возможно, он решил срезать через дворы. Подлый ублюдок.

Я заковылял быстрее и вскоре оказался возле дома Джейми. К тому времени я весь вспотел (рубашка промокла насквозь) и хрипло дышал. Поднялся на крыльцо, собрался с духом и постучал. Что-то подсказывало мне, что дверь откроет Кэрри. Я рисовал себе его торжествующую физиономию, на которой буквально было написано: «Прости, старик, ты опоздал».

Но я увидел не Кэрри, а Джейми; впервые в жизни она предстала передо мной как нормальный человек – в джинсах и рубашке. Пусть даже волосы у нее по-прежнему были собраны в пучок, она выглядела куда непринужденнее, чем обычно.

– Лэндон, вот сюрприз, – сказала она, отворив. Джейми всегда и всех была рада видеть, в том числе меня, хотя сейчас мой вид мог бы испугать. – Ты что, бежал? – спросила она.

– Нет, – соврал я, вытирая лоб. К счастью, боль в боку утихла.

– У тебя вся рубашка мокрая.

– Ах это... Ничего страшного. Просто иногда я сильно потею.

– Может, тебе следует обратиться к врачу?

– Нет-нет, все в порядке.

– Все равно я за тебя помолюсь, – с улыбкой сказала Джейми. Она вечно за кого-нибудь молилась. Настала и моя очередь.

– Спасибо, – отозвался я.

Она потупилась и переступила с ноги на ногу.

– Я бы пригласила тебя в дом, но папа уехал. Он не разрешает впускать мальчиков, когда его нет.

– Никаких проблем, – мрачно сказал я. – Можно поговорить и здесь.

Я бы, конечно, предпочел войти.

– Хочешь лимонаду? – предложила Джейми. – Я только что приготовила.

– Охотно.

– Сейчас принесу. – Она вернулась в дом, оставив дверь приоткрытой, так что я смог заглянуть в комнату. Маленькая, но опрятная, у одной стены пианино, у другой – кушетка. Крошечный вентилятор в углу. На кофейном столике книги, и в том числе Библия, раскрытая на Евангелии от Луки.

Джейми принесла лимонад, и мы сели на веранде. Я нередко видел, как она сидит здесь по вечерам с отцом. Мы уселись, и я тут же заметил соседку, миссис Гастингс, которая махала нам через дорогу. Джейми поприветствовала ее в ответ, а я отодвинулся вместе с креслом, чтобы миссис Гастингс не рассмотрела моего лица. Пусть я и намеревался пригласить Джейми на танцы, не хотелось, чтобы кто-то застукал меня здесь – на тот случай, если она уже приняла приглашение Кэрри. Одно дело – пойти с ней на бал, и совсем другое – быть отвергнутым ради этого типа.

– Что ты делаешь? – поинтересовалась Джейми. – Зачем пересел на солнце?

– Люблю, когда жарко, – соврал я. Джейми была права. Лучи прожигали сквозь рубашку, так что вскоре я снова вспотел.

– Ну, если хочешь... – произнесла она, улыбнувшись. – Итак, о чем ты хотел со мной поговорить?

Джейми принялась поправлять прическу. По моим наблюдениям, с ее пучком все было в порядке. Я сделал глубокий вдох, чтобы собраться с силами, но никак не мог решиться.

– Значит, ты сегодня работала в приюте?

Джейми с любопытством взглянула на меня:

– Нет. Мы с отцом ездили к врачу.

– Он в порядке?

– Да. Вполне здоров.

Я кивнул. Миссис Гастингс уже ушла, и поблизости, кажется, никого не было. И все-таки мне не доставало смелости.

– Прекрасный день, – сказал я, чтобы потянуть время.

– Да.

– Жарковато...

– Потому что ты сидишь на солнце.

Я снова оглянулся, чувствуя, как нарастает напряжение:

– Держу пари, на небе ни единого облачка.

Джейми не ответила, и мы несколько секунд сидели молча.

– Лэндон, – наконец сказала она, – ты ведь пришел не затем, чтобы говорить о погоде?

- В общем, да.

- Что тебе нужно?

Настал момент истины. Я откашлялся.

- Ну... я хотел спросить, идешь ли ты на школьный бал.

- О! - сказала она. Судя по тону, Джейми вообще не подозревала о том, что состоится бал. Я заерзал в ожидании ответа. - Честно говоря, я просто не думала об этом, - произнесла она.

- Но если бы кто-нибудь тебя пригласил, ты пошла бы?

Джейми ненадолго задумалась.

- Не знаю... - ответила она. - Наверное. Я еще никогда не ходила на танцы.

- Это весело, - бодро сказал я. - Конечно, не слишком, но все-таки...

Особенно по сравнению с другими вариантами.

Джейми улыбнулась, услышав это.

- Я должна спросить у отца. Но если он разрешит, то, наверное, я пойду.

На дереве у крыльца внезапно зачирикала птица, как бы намекая, что мне здесь делать нечего. Я попытался успокоиться. Всего два дня назад даже вообразить себе не мог ничего подобного, а сегодня сидел и прислушивался к звукам собственного голоса, произносившего роковые слова:

- Хочешь пойти на бал со мной?

Судя по всему, Джейми удивилась. Возможно, предположила, что ее хочет пригласить кто-то другой, а я всего лишь играю роль посредника. Иногда

подростки отправляют друзей, так сказать, прощупать почву, чтобы не получить отказ лично. Пусть Джейми и не походила на обычных подростков, она скорее всего была знакома с подобной тактикой хотя бы теоретически.

Вместо того чтобы ответить сразу, Джейми надолго отвела взгляд. Я испытал неприятную тяжесть в животе, поскольку не сомневался, что услышу отказ. Перед моим мысленным взором проплыл Кэрри, и я вдруг пожалел, что все эти годы так скверно обращался с Джейми. Я дразнил ее, обзывал Хегберта прелюбодеем, смеялся над ней за глаза. Но как только я принялся раздумывать, возможно ли избегать общества Кэрри в течение пяти часов, она повернулась и снова взглянула на меня. На ее губах играла легкая улыбка.

– Я согласна, но при одном условии.

Я собрался с духом, искренне надеясь, что Джейми не потребует ничего ужасного.

– Каком?

– Обещай, что не влюбишься в меня.

Я понял, что она шутит, и облегченно вздохнул. Нужно признать, временами Джейми демонстрировала неплохое чувство юмора.

Я улыбнулся и пообещал.

Глава 3

Вообще баптисты не танцуют. Впрочем, в Бофоре за соблюдением этого правила следили не слишком бдительно. Предшественник Хегберта (не помню, как его звали) сквозь пальцы смотрел на школьные балы, если там присутствовали взрослые, и это стало своего рода традицией. Когда священником сделался Хегберт, было уже поздно что-либо менять. Джейми скорее всего осталась единственной, кто ни разу не ходил на школьные вечеринки, – честно говоря, я понятия не имел, умеет ли она танцевать.

Еще меня беспокоило и то, в чем она придет, хотя, разумеется, я ничего ей не сказал. На церковных вечеринках, организуемых Хегбертом, Джейми обычно появлялась в старом свитере, который мы каждый день видели на ней в школе, но ведь бал – это нечто особенное. Большинство девушек обзавелись новыми платьями, а парни – костюмами. В этом году к нам приехал фотограф. Я знал, что Джейми не сможет обновить свой гардероб, поскольку она была из небогатой семьи. Священники зарабатывают немного – ими вообще становятся не ради денег, как вы понимаете. Я надеялся, что Джейми придет на бал не в повседневной одежде. Не столько ради меня, сколько ради того, что скажут остальные. Я не хотел, чтобы люди над ней смеялись.

Но имелись и хорошие новости, если можно так сказать: Эрик практически перестал меня дразнить, потому что был слишком занят собственной девушкой. Он пригласил на танцы Маргарет Хэйес, лидера школьной группы поддержки. Конечно, не звезда первой величины, но по-своему довольно милая – по крайней мере ноги у нее были очень даже ничего. Эрик предложил идти на бал всем вместе, но я отказался, потому что никоим образом не хотел делать Джейми мишенью для насмешек. Эрик был славный парень, но иногда делался чертовски бессердечным, особенно после пары стаканчиков виски.

В день бала я буквально сбивался с ног. Сначала провел уйму времени, помогая украшать спортзал, а потом пришлось заехать за Джейми на полчаса раньше, потому что Хегберт хотел со мной поговорить. Я понятия не имел о чем. Джейми предупредила меня накануне, и, надо сказать, эта новость не была радостной. Я решил, что священник собирается говорить об искушениях и пагубной дорожке, на которую мы непременно свернем, если поддадимся им. Если он упомянет прелюбодеяние, наверное, умру. Весь день я втайне молился о том, чтобы этот разговор не состоялся, хотя отнюдь не был уверен, что Бог прислушается к моим молитвам, ведь назвать мое поведение примерным было нельзя. Поэтому я изрядно нервничал.

Я принял душ, надел лучший костюм, купил для Джейми букетик и поехал к Хегберту. (Мама позволила мне взять машину.) Было еще светло. Я прошел по разбитой дорожке, постучал, подождал немного, снова постучал. Из-за двери донесся голос Хегберта: «Сейчас, сейчас!» – но непохоже было, чтобы он действительно торопился. Я простоял на крыльце, наверное, минуты две, рассматривая дверь и облупленные подоконники. Неподалеку стояли кресла, на которых сидели мы с Джейми. Одно по-прежнему было отодвинуто. Судя по всему, с тех пор никто на них не садился.

Наконец дверь со скрипом открылась. Лампа в глубине дома освещала волосы Хегберта, оставляя лицо в тени. Старик – семьдесят два года, по моим подсчетам. Я впервые видел его вблизи и мог рассмотреть все морщины. Кожа у него была действительно прозрачной – даже более, чем я себе воображал.

– Здравствуйте, преподобный Салливан, – сказал я, подавив волнение. – Я за Джейми.

– Конечно, – ответил он. – Но сначала я хотел бы с тобой поговорить.

– Разумеется, сэр, поэтому и приехал пораньше.

– Заходи.

В церкви Хегберт неизменно смотрелся щеголем, но сейчас, в широких штанах и футболке, он скорее походил на фермера.

Хегберт жестом указал на вынесенный из кухни деревянный стул.

– Прошу прощения, что заставил тебя ждать. Я писал завтрашнюю проповедь, – объяснил он.

Я сел.

– Да ничего страшного, сэр.

Бог вещь отчего я называл его «сэр». По-другому просто не получалось.

– Тогда расскажи о себе.

Этот вопрос показался мне довольно нелепым, ведь Хегберт прекрасно знал всю мою семью. Он крестил меня и в течение семнадцати лет каждое воскресенье видел в церкви.

– Ну, сэр... – начал я, толком не зная, что сказать. – Я школьный президент. Джейми вам не говорила?

Хегберт кивнул:

- Говорила. Дальше.

- И... я собираюсь осенью поступить в Университет Северной Каролины.

Он снова кивнул.

- Что-нибудь еще?

Вынужден признать, на этом список был исчерпан. В глубине души мне хотелось взять со стола карандаш и в течение тридцати секунд балансировать им на кончике пальца, но Хегберт вряд ли бы это оценил.

- Наверное, нет, сэр.

- Ты не против, если я задам тебе вопрос?

- Нет, сэр.

Он долго смотрел на меня, будто раздумывал, после чего спросил:

- Почему ты пригласил мою дочь на танцы?

Я удивился; несомненно, Хегберт это заметил.

- Не понимаю, сэр...

- Ты ведь не собираешься... смутить ее?

- Что вы, сэр, - немедленно отозвался я, возмущенный до глубины души. - Вовсе нет. Просто мне не с кем было пойти, вот я и пригласил Джейми. Только и всего.

- И у тебя ничего плохого на уме?

– Нет, сэр, я бы никогда...

В течение нескольких минут Хегберт докапывался до сути моих истинных намерений, а затем, к счастью, из задней комнаты появилась Джейми, и мы одновременно обернулись к ней. Священник замолчал, а я облегченно вздохнул. Она надела синюю юбку и белую блузку. Слава Богу, свитер остался в шкафу. Неплохо, хотя я понимал, что Джейми будет выглядеть замухрышкой по сравнению с другими девушками. Волосы у нее, как обычно, были собраны в пучок. Лично мне казалось, что лучше бы она их распустила, но я не собирался ей намекать. Джейми выглядела... ну, совсем как обычно. По крайней мере она не держала в руках Библию. Этого бы я не пережил.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

«Лига плюща» – объединение восьми старейших и наиболее привилегированных учебных заведений на северо-востоке США. – Здесь и далее примеч. пер.

Купить: <https://tellnovel.me/nikolas-sparks/speshi-lyubit-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)